

БИБЛИОТЕКА КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДЖЕК ЛОНДОН

Морской волк
Рассказы

Перевод с английского

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Coe)6-44
Л76

Серия «Шедевры мировой классики»

Оформление серии *И. Саукова*

В оформлении обложки использована иллюстрация
«Морской волк»: © Look and Learn / The Bridgeman Art
Library / Fotodom.ru

Серия «Библиотека всемирной литературы»

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении суперобложки использованы фрагменты
работ художников *У. Гомера* и *Ч. К. Нейла*

Лондон, Джек.

Л76 Морской волк : [перевод с английского] / Джек Лондон. — Москва : Эксмо, 2015. — 704 с.

ISBN 978-5-699-70831-4 (ШМК)

ISBN 978-5-699-61754-8 (БВЛ)

Величественность природы, непоколебимая сила духа человека, любовь к жизни и неизменная искренность рассказа сделали произведения Лондона любимыми и востребованными вот уже у нескольких поколений читателей. Суровая романтика приключений соседствует в его книгах с размышлениями о самых глубоких, извечных вопросах человеческого бытия.

В романе «Морской волк» противоречивая фигура Волка Ларсена — капитана промысловой шхуны, жестокого и циничного моряка, способного легко убить человека, но вместе с тем одинокого философа, поклонника Теннисона и Шекспира, — раскрывается на фоне описанных с большим мастерством и любовью опасных морских странствий. В увлекательных рассказах о золотой лихорадке Клондайка из циклов «Смок Беллью» и «Смок и Малыш» аляскинских старателей ждут самые разнообразные приключения, иногда забавные, иногда опасные и трагические. Но в любых обстоятельствах, от гонок на собачьих упряжках до плена у индейцев, герои не теряют мужества и присутствия духа.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Coe)6-44

© Л. и Н. Чуковские. Перевод
на русский язык. Наследники, 2015
© Е. П. Чуковская. Перевод на русский язык,
2015
© Н. Галь. Перевод. Наследники, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-70831-4 (ШМК)
ISBN 978-5-699-61754-8 (БВЛ)

Содержание

МОРСКОЙ ВОЛК. Роман.
Перевод Д. Горфинкеля и Л. Хвостенко

7

РАССКАЗЫ

СМОК БЕЛЛЮ. *Перевод Л. и Н. Чуковских*

ВКУС МЯСА

365

МЯСО

395

ЗА ЗОЛОТОМ НА РУЧЕЙ ИНДИАНКИ

423

МАЛЫШ ВИДИТ СНЫ

446

ЧЕЛОВЕК НА ДРУГОМ БЕРЕГУ

464

ГОНКИ

485

5

СМОК И МАЛЫШ. *Перевод Н. Галь*

МАЛЕНЬКИЙ КАРСОН

511

КАК ВЕШАЛИ КАЛТУСА ДЖОРДЖА

534

ОШИБКА ГОСПОДА БОГА

555

ЯИЧНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

582

ПОСЕЛОК ТРУ-ЛЯ-ЛЯ

611

ТАЙНА ЖЕНСКОЙ ДУШИ

644

МОРСКОЙ ВОЛК

ГЛАВА 1

Не знаю, право, с чего начать, хотя иногда, в шутку, я сваливаю всю вину на Чарли Фэрасета. У него была дача в Милл-Вэлли, под сенью горы Тамальпайс, но он жил там только зимой, когда ему хотелось отдохнуть и почитать на досуге Ницше или Шопенгауэра. С наступлением лета он предпочитал изнывать от жары и пыли в городе и работать не покладая рук. Не будь у меня привычки навещать его каждую субботу и оставаться до понедельника, мне не пришлось бы пересекать бухту Сан-Франциско в это памятное январское утро.

Нельзя сказать, чтобы «Мартинес», на котором я плыл, был ненадежным судном; этот новый пароход совершал уже свой четвертый или пятый рейс на переправе между Саусалито и Сан-Франциско. Опасность таилась в густом тумане, окутавшем бухту, но я, ничего не смысля в мореходстве, и не догадывался об этом. Хорошо помню, как спокойно и весело расположился я на носу парохода, на верхней палубе, под самой рулевой рубкой, и таинственность нависшей над морем туманной пелены мало-помалу завладела моим воображением. Дул свежий бриз, и некоторое время я был один среди сырой мглы — впрочем, и не совсем один, так как я смутно ощущал присутствие рулевого и еще кого-то, по-видимому капитана, в застекленной рубке у меня над головой.

Помнится, я размышлял о том, как хорошо, что существует разделение труда и я не обязан изучать туманы, ветры, приливы и всю морскую науку, если хочу навестить друга, живущего по ту сторону залива. Хорошо, что существуют специалисты — рулевой и капитан, думал я, и их профессиональные знания служат тысячам людей, осведомленным о море и мореплавании не больше моего. Зато я не трачу своей энергии на изучение множества предметов, а могу сосредоточить ее на некоторых специальных вопросах, например — на роли Эдгара По в истории американской литературы, чему, кстати сказать, была посвящена моя статья, напечатанная в последнем номере «Атлантика». Поднявшись на пароход и заглянув в салон, я не без удовлетворения отметил, что номер «Атлантика» в руках у какого-то дородного джентльмена раскрыт как раз на моей статье. В этом опять сказывались выгоды разделения труда: специальные знания рулевого и капитана давали дородному джентльмену возможность — в то время как его благополучно переправляют на пароходе из Саусалито в Сан-Франциско — ознакомиться с плодами моих специальных знаний о По.

У меня за спиной хлопнула дверь салона, и какой-то краснолицый человек затопал по палубе, прервав мои размышления. А я только что успел мысленно наметить тему моей будущей статьи, которую решил назвать «Необходимость свободы. Слово в защиту художника». Краснолицый бросил взгляд на рулевую рубку, посмотрел на окружавший нас туман, проковылял взад и вперед по палубе — очевидно, у него были протезы — и остановился возле меня, широко расставив ноги; на лице его было написано блаженство. Я не ошибся, предположив, что он провел всю свою жизнь на море.

— От такой мерзкой погоды недолго и поседеть! — проворчал он, кивая в сторону рулевой рубки.

— Разве это создает какие-то особые трудности? — отозвался я. — Ведь задача проста, как дважды два — четыре. Компас указывает направление, расстояние и скорость также известны. Остается простой арифметический подсчет.

— Особые трудности! — фыркнул собеседник. — Просто, как дважды два — четыре! Арифметический подсчет!

Слегка откинувшись назад, он смерил меня взглядом.

— А что вы скажете об отливе, который рвется в Золотые Ворота? — спросил или, вернее, пролаял он. — Какова скорость течения? А как относит? А это что — прислушайтесь-ка! Колокол? Мы лезем прямо на буй с колоколом! Видите — меняем курс.

Из тумана доносился заунывный звон, и я увидел, как рулевой быстро завертел штурвал. Колокол звучал теперь не впереди, а сбоку. Слышен был хриплый гудок нашего парохода, и время от времени на него откликались другие гудки.

— Какой-то еще парохранишко! — заметил краснолицый, кивая вправо, откуда доносились гудки. — А это! Слышите? Просто гудят в рожок. Верно, какая-нибудь шаланда. Эй, вы, там, на шаланде, не зевайте! Ну, я так и знал. Сейчас кто-то хлебнет лиха!

Невидимый пароход давал гудок за гудком, и рожок вторил ему, казалось, в страшном смятении.

— Вот теперь они обменялись любезностями и стараются разойтись, — продолжал краснолицый, когда тревожные гудки стихли.

Он разъяснял мне, о чем кричат друг другу сирены и рожки, а щеки у него горели и глаза сверкали.

— Слева пароходная сирена, а вон там, слышите, какой хрипун, — это, должно быть, паровая шхуна; она ползет от входа в бухту навстречу отливу.

Пронзительный свисток неистовствовал как одержимый где-то совсем близко впереди. На «Мартинесе» ему ответили ударами гонга. Колеса нашего парохода остановились, их пульсирующие удары по воде замерли, а затем возобновились снова. Пронзительный свисток, напоминавший стрекотанье сверчка среди рева диких зверей, долетал теперь из тумана, откуда-то сбоку, и звучал все слабее и слабее. Я вопросительно посмотрел на своего спутника.

— Какой-то отчаянный катерок, — пояснил он. — Прямо стоило бы потопить его! От них бывает много бед, а кому они нужны? Какой-нибудь осел заберется на такую посудину и носится по морю, сам не зная зачем, да свистит как полоумный. А все должны сторониться, потому что, видите ли, он идет и сам-то уж никак посторониться не умеет! Прет вперед, а вы смотрите в оба! Обязанность уступать дорогу! Элементарная вежливость! Да они об этом никакого представления не имеют.

Этот необъяснимый гнев немало меня позабавил; пока мой собеседник возмущенно ковылял взад и вперед, я снова поддался романтическому обаянию тумана. Да, в этом тумане, несомненно, была своя романтика.словно серый, исполненный таинственности призрак, навис он над крошечным земным шаром, кружащимся в мировом пространстве. А люди, эти искорки или пылинки, гонимые ненасытной жаждой деятельности, мчались на своих деревянных и стальных конях сквозь самое сердце тайны, ощупью прокладывая себе путь в Незримом, и шумели и кричали самонадеянно, в то время как их души замирали от неуверенности и страха!

Голос моего спутника вернул меня к действительности и заставил усмехнуться. Разве я сам не блуждаю ощупью, думая, что мчусь уверенно сквозь тайну?

— Эге! Кто-то идет нам навстречу, — сказал краснолицый. — Слышите, слышите? Идет быстро и прямо на нас. Должно быть, он нас еще не слышит. Ветер относит.

Свежий бриз дул нам в лицо, и я отчетливо различил гудок сбоку и немного впереди.

— Тоже пассажирский? — спросил я.

Краснолицый кивнул:

— Да, иначе он не летел бы так, сломя голову. Наши там забеспокоились! — хмыкнул он.

Я посмотрел вверх. Капитан высунулся по грудь из рулевой рубки и напряженно вглядывался в туман, словно стараясь силой воли проникнуть сквозь него. Лицо его выражало тревогу. И на лице моего спутника, который проковылял к поручням и пристально смотрел в сторону незримой опасности, тоже была написана тревога.

Все произошло с непостижимой быстротой. Туман раздался в стороны, как разрезанный ножом, и перед нами возник нос парохода, тащивший за собой ключья тумана, словно Левиафан — морские водоросли. Я разглядел рулевую рубку и белобородого старика, высунувшегося из нее. Он был одет в синюю форму, очень ловко сидевшую на нем, и, я помню, меня поразило, с каким хладнокровием он держался. Его спокойствие при этих обстоятельствах казалось страшным. Он подчинился судьбе, шел ей навстречу и с полным самообладанием ждал удара. Холодно и как бы задумчиво смотрел он на нас, словно прикидывая, где должно произойти столкновение, и не обратил никакого внимания на яростный крик нашего рулевого: «Отличились!»

Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что восклицание рулевого и не требовало ответа.

— Цепляйтесь за что-нибудь и держитесь крепче, — сказал мне краснолицый.

Весь его задор слетел с него, и он, казалось, заразился тем же сверхъестественным спокойствием.

— Ну, сейчас женщины поднимут визг! — сердито, почти злобно проворчал он, словно ему уже приходилось когда-то все это испытывать.

Суда столкнулись прежде, чем я успел воспользоваться его советом. Должно быть, встречный паровоз ударил нас в середину борта, но это произошло вне поля моего зрения, и я ничего не видел. «Мартинес» сильно накренился, послышался треск ломающейся обшивки. Я упал плашмя на мокрую палубу и не успел еще подняться на ноги, как услышал крик женщин. Это был неописуемый, душераздирающий вопль, и тут меня обьял ужас. Я вспомнил, что спасательные пояса хранятся в салоне, кинулся туда, но у дверей столкнулся с толпой обезумевших пассажиров, которая отбросила меня назад. Не помню, что затем произошло, — в памяти моей сохранилось только воспоминание о том, как я стаскивал спасательные пояса с полок над головой, а краснолицый человек надевал их на бившихся в истерике женщин. Это я помню отчетливо, и вся картина стоит у меня перед глазами. Как сейчас вижу я зазубренные края пробоины в стене салона и вползавший в это отверстие клубящийся серый туман; пустые мягкие диваны с разбросанными на них пакетами, саквояжами, зонтами и пледами, брошенными во время внезапного бегства; полного джентльмена, не так давно мирно читавшего мою статью, а теперь напавшего на себя пробковый пояс и с монотонной настойчивостью вопрошавшего меня (журнал с моей статьей все еще был у него в ру-

ке), есть ли опасность; краснолицего человека, бодро ковылявшего на своих искусственных ногах и надевавшего пояс на всех, кто появлялся в каюте... Помню дикий визг женщин.

Да, этот визг женщин больше всего действовал мне на нервы. По-видимому, страдал от него и краснолицый, ибо еще одна картина навсегда осталась у меня в памяти: плотный джентльмен засовывает журнал в карман пальто и с любопытством озирается кругом; сбившиеся в кучу женщины, с бледными, искаженными страхом лицами, пронзительно кричат, словно хор погибших душ, а краснолицый человек, теперь уже совсем багровый от гнева, стоит в позе громовержца, потрясая над головой кулаками, и орет:

— Замолчите! Да замолчите же!

Помню, как, глядя на это, я вдруг почувствовал, что меня душит смех, и понял, что и я впадаю в истерику; ведь предо мною были женщины, такие же, как моя мать или сестры, — женщины, охваченные страхом смерти и не желавшие умирать. Их крики напомнили мне визг свиней под ножом мясника, и это потрясло меня. Эти женщины, способные на самые высокие чувства, на самую нежную привязанность, вопили, разинув рты. Они хотели жить, но были беспомощны, как крысы в крысоловке, и визжали, не помня себя.

Это было ужасно, и я опрометью бросился на палубу. Почувствовав дурноту, я опустился на скамью. Смутно видел я метавшихся людей, слышал их крики, — кто-то пытался спустить шлюпки... Все происходило так, как описывается в книгах. Тали заедало. Все было неисправно. Одну шлюпку спустили, забыв вставить пробки; когда женщины и дети сели в нее, она наполнилась водой и перевернулась. Другую шлюпку удалось спустить только одним концом: другим она повисла на таях, и ее бросили. А парохода, который